

Елена Ланц

Вечно
не Вовремя

18+

Елена Ланц

Вечно не вовремя

<https://litres.ru/74679758>

SelfPub; 2026

Аннотация

Двери королевского дворца открылись перед бродяжкой. Но точно ли это везение для вечной неудачницы?

Ива мечтала лишь о крыше над головой. Вместо этого получила работу, от которой воротят нос даже слуги, ворох опасных тайн и мрачного начальника Ночной стражи. Северин Вальд смотрит на неё так, словно она — бедствие, которое забыли предсказать. И почему-то каждый раз оказывается рядом, когда её нужно спасти.

Но за роскошью дворца скрывается страшная правда: магия не исчезает из далёких деревень. Её крадут. А письмо покойной матери, открывшее Иве дорогу к короне, связано с преступлением, за разгадку которого убивают.

Теперь странные существа следуют за ней по пятам, придворные плетут интриги, а сердце тянется к мужчине, которому опасно доверять.

Всю жизнь Ива оказывалась не в том месте и не в то время. Возможно, впервые именно от этого зависит судьба целого королевства.

Елена Ланц

Вечно не вовремя

ЕЛЕНА ЛАНЦ

ВЕЧНО

НЕ ВОВРЕМЯ

Магический роман

СОДЕРЖАНИЕ

- 01 О пользе дурных примет 3
- 02 Добро пожаловать, к сожалению 10
- 03 Человек с лицом плохой новости 16
- 04 Этикет для тех, кому нечего терять 24
- 05 Девушка, которую никто не замечал 30
- 06 Письма и сад без весны 37
- 07 Клинок и осенний бал 46
- 08 Серебряная булавка и чужие счета 56
- 09 Договор о взаимном недоверии 65
- 10 Там, где кончается свет 72
- 11 Мальчик, кот и государственный секрет 78
- 12 Чужие потери 88

- 13 Принц и праздник несуществующих роз 97
- 14 Танец в зале зеркал 105
- 15 Дорога, которая помнила 115
- 16 Комната с выбитым окном 123
- 17 Хозяйка всех ключей 128
- 18 Тайник под бельевыми шахтами 135
- 19 Письмо, которого было недостаточно 142
- 20 Наследница, которой не существует 149
- 21 Ужин, на котором подают угрозы 155
- 22 Приказ, которому нельзя не подчиниться 162
- 23 Невеста и карта чужих потерь 173
- 24 Кто-то из нас лжёт 183
- 25 Ночь перед темнотой 193
- 26 Когда гаснут огни 205
- 27 Между двумя берегами 212
- 28 Руки, которые не отпускают 218
- 29 Цена возвращённой магии 224
- 30 Дом для тех, кто заблудился 235
- Эпилог Клякса 243

Глава первая. О пользе дурных примет

В тот день, когда я добралась до столицы, меня дважды пытались ограбить, один раз приняли за разносчицу чумы и ещё один — за ведьму. Последнее, признаться, было бы даже лестно, не будь у обвинителя привычки подкреплять свои подозрения камнями.

Самый крупный камень просвистел у самого уха и выбил кусок засохшей грязи из придорожного столба. Я посмотрела на мужчину, стоявшего у изгороди, и вежливо спросила:

— Вы всегда так приветствуете путников или мне повезло застать вас в особенно добром расположении духа?

Он подобрал второй камень. Я решила, что знакомство состоялось, и ускорила шаг.

За спиной шуршало нечто, от чего мне никак не удавалось отделаться уже четыре дня. Существо напоминало одновременно мокрого воробья, полевую мышь и весьма неудачно задуманное облако. Пушистое, серое, с двумя прозрачными перепончатыми ушами, оно помещалось на ладони и отчаянно желало жить со мной. Я возражала. В конце концов, у меня самой не было дома, а совместное бездомное существование казалось излишней роскошью.

— Не ходи за мной, — сказала я, не оборачиваясь. — В столице зверей едят. Иногда даже хорошо приготовленных.

Из травы донеслось оскорблённое попискивание.

— Предупредила. Потом не жалуйся.

В кармане моего старого пальто лежало письмо. Единственная вещь, которую мать перед смертью велела беречь больше собственной жизни. Завещание было настолько неразумным, что я не раз мысленно с ним спорила: собственная жизнь иногда требовала хлеба, сапог и сухого одеяла, а письмо не годилось ни для одной из этих целей.

Мать не рассказала, что в нём написано. На плотном сером листе теснились тонкие знаки, похожие на следы птиц по снегу. На обороте краснела печать: дерево без листьев, оплётённое семью корнями.

«Отнеси во дворец, Ива. Не отдавай первому встречному. Потребуй хранителя королевских клятв. Он поймёт».

Я не знала ни одного хранителя клятв. В моей прежней жизни имелся только хранитель трактирной кассы, и тот однажды обвинил меня в краже двух серебряных ложек. Ложки, между прочим, впоследствии нашли у его собственной тёщи. Извинений я не получила; зато получила опыт, весьма полезный для понимания человеческой природы.

На последнем привале я высыпала на ладонь всё своё богатство: три медяка, пуговицу без пары и обломок костяной иглы. Пуговица, при всей её честности, никому не была нужна. На два медяка можно было купить хлеб; за третий хозяин постоялого двора предложил мне горячую воду, но только при условии, что я не стану занимать место возле печи.

Я выбрала хлеб. Половину отдала Шмыгу, который немедленно спрятал кусок за щекой с видом существа, привыкшего считать весь мир своим огородом. Вторая половина была сухой, но на вкус прекрасной. До смерти матери я ещё умела сердиться на черствый хлеб. После — научилась благодарить за любой.

Пока я ела, в памяти встал наш последний дом: маленькое окно под крышей, горшок с мятой и мать, стоящая у плиты в

платке. Она говорила, что человек должен держаться за вещи, которые не может отнять ни один король: за доброту, за слово и за право не соглашаться. Тогда я обиделась на эти слова. Доброта не могла оплатить лекаря, слово не спасало от зимнего холода, а за несогласие нас обычно увольняли. Но, кажется, именно их я и унесла с собой вместе с письмом.

Я тщательно завернула остатки хлеба в салфетку. Сказала себе, что во дворце буду говорить мало, кланяться часто и никогда не привлекать внимания. Шмыг чихнул, как будто услышал шутку.

Моё знакомство со Шмыгом началось четырьмя днями раньше, в заброшенном дорожном святилище. Я укрывалась там от дождя и пыталась высушить носки над очагом, в котором давно перестали загораться даже обычные дрова. Из щели под алтарём донёсся такой сердитый писк, будто кто-то крошечный оскорблял там целое королевство.

Из щели показалась мокрая серая голова. За ней — два огромных прозрачных уха, похожих на листья, если бы листья умели дрожать от холода и негодования. Существо стащило мой последний сухарь, но оказалось слишком слабым, чтобы его унести. Так мы впервые посмотрели друг на друга. Я — обиженно, оно — обвинительно.

— Прекрасно, — сказала я. — Теперь у нас с тобой есть одна общая черта: мы оба неприлично бедны. И одна разница: у тебя хотя бы мех имеется.

Я разломила сухарь пополам. Серый воришка схватил

свою долю, спрятался, а ночью забрался ко мне под воротник. Я вытащила его оттуда три раза. На четвёртый обнаружила, что он дрожит так сильно, что у меня перестали слушаться пальцы. Оставила.

Утром он повёл меня не по большаку, а в сторону, где за болотной осокой прятался мост. Доски на мосту отсутствовали, зато имелась старая кладка, позволявшая перейти ручей не замочив ног. Впрочем, на том берегу нас обоих укусила гусыня. Я сочла это доказательством, что найденные дороги не всегда бывают удачными.

С тех пор зверёк исчезал всякий раз, когда впереди оказывался пересохший источник, а потом вновь появлялся там, где лежали поваленные указатели, закрытые ворота или чьи-нибудь забытые следы. Я объясняла его склонности дурным воспитанием. Он, похоже, был обо мне того же мнения.

Теперь, приближаясь к дворцу, я всё чаще ловила себя на том, что проверяю, достаточно ли ему тепло. Смерть матери научила меня не верить в постоянство вещей. И всё-таки крошечное существо, которое упрямо шло следом за человеком без дома, казалось мне доказательством, что не всё живое выбирает удобство.

Перед последним подъёмом я остановилась у придорожного колодца. Над ним висела деревянная табличка: «Воду беречь». Сам колодец стоял сухой. На дне лежали два пожелтевших листа и медная монета, которую кто-то бросил на счастье. Счастье, судя по всему, монету не приняло.

У изгороди сидела женщина в овчинном платке. Она держала на коленях мальчика лет шести и пыталась согреть его ладони собственным дыханием. От мальчика пахло дымом и мокрой шерстью; на пальцах светились погасшие серебряные прожилки. Я видела такие у детей, у которых прежде получалось зажигать огоньки для забавы.

— В столицу идёте? — спросила женщина.

— Не совсем добровольно, — ответила я. — Хотя, если во дворце подадут горячее, готова пересмотреть свою позицию.

Она улыбнулась слишком устало, чтобы это можно было назвать улыбкой.

— Передайте там: в Рябиновке третий месяц не светит сторожевая башня. Люди ночью проваливаются в старые каменоломни. Я три прошения отправила. Ни на одно ответа.

— Я не знакома с теми, кто читает прошения.

— Тогда хоть с теми, кто умеет читать, — сказала она и отвела глаза.

Она протянула мне сложенный вчетверо лист. На нём корявыми буквами были написаны имена: девять взрослых, трое детей. Возле последнего имени чернила расплылись, будто писавший не удержал слёз или не успел укрыть бумагу от дождя.

Я взяла лист. Делать этого не следовало. У меня и без чужих несчастий был мешок, набитый собственными. Но мать всегда говорила, что чужая беда становится нашей ровно в тот миг, когда мы её увидели. По молодости я считала это

серьёзным недостатком её воспитания.

— Попробую, — сказала я.

— Вы там кто-нибудь?

Я посмотрела на свои сапоги. Один держался на честном слове, другой — на двух разных шнурках.

— Пока нет. Но если меня вышвырнут, во всяком случае, мы выясним, что прошение прочли.

Женщина засмеялась. Мальчик поднял голову и внимательно посмотрел на Шмыга. Тот, обычно болезненно ревнивый к любому живому существу, вылез из воротника и положил нос мальчику на ладонь. На мгновение серебристая ниточка на его пальце ожила. Едва заметно, как светляк на рассвете. Потом погасла.

Мы все трое смотрели на эту ладонь. Мне показалось, что глубоко под дорогой кто-то повернул ключ в заржавевшем замке. Я оглянулась — вокруг были только сырые поля.

На подъёме меня догнала мысль, от которой сделалось не по себе: я никогда не умела находить нужную дорогу. Но почему-то всегда находила тех, кому нужна помощь. Впрочем, это могло объясняться просто: несчастных людей в королевстве было слишком много.

Столица показалась за холмами к полудню. Башни над белыми стенами мерцали голубым огнём, над крышами плавали лёгкие золотистые сферы, а вдоль дороги стояли каменные фонари, горевшие даже днём. Такой расточительности я ещё не видела.

В деревне Липовый Брод, которую я миновала неделю назад, магический колодец не мог набрать и ведра воды. Здесь же волшебным светом, казалось, освещали даже мусорные кучи.

У ворот королевского дворца меня встретил стражник с лицом человека, который давно разочаровался во всём живом.

— Просителей принимают по четвергам.

— Какое счастье, — сказала я. — Сегодня ведь четверг?

— Вторник.

— Тогда у нас с вами есть целых два дня, чтобы подружиться.

Стражник не улыбнулся. Кажется, он даже не моргнул.

— Уходи.

— Мне нужно передать письмо хранителю королевских клятв.

— А мне нужно, чтобы ты ушла.

Мы смотрели друг на друга. Я была голодна, промокла и за последние семь недель успела изучить все разновидности отказа. Поэтому этот меня не впечатлил.

— Понимаете, — сказала я, — моя мать умерла. Перед смертью она отправила меня сюда. Если я уйду, придётся объяснять ей на том свете, отчего я не исполнила последнюю волю. И поверьте, с матерью спорить намного труднее, чем с вами.

— Девчонка, — произнёс стражник опасным голосом.

Именно в эту минуту существо из травы решило, что пора заявить о себе. Оно взлетело, вцепилось мне в воротник и звонко чихнуло облаком голубых искр.

Стражник выхватил меч.

— Магическая тварь!

— Только не обижайте её, — попросила я. — Она ещё слишком мала, чтобы понимать, что знакомство следует начинать не с чихания.

Тварь снова чихнула. По лезвию меча стражника на миг побежали крошечные голубые цветы.

Когда меня связали и отвели во внутренний двор, я решила, что это даже некоторый успех. Во всяком случае, внутрь дворца я попала.

Глава вторая. Добро пожаловать, к сожалению

До караульни меня провели с таким количеством предосторожностей, словно в моих карманах могли поместиться три пушки. Стражник со старательностью честного человека переписал всё имущество: нитку, иголку, ключ неизвестно от какого замка, кривой деревянный гребень и половинку серебряного медальона, зашитую в подкладку пальто. Последнюю он хотел вытащить, но я так вцепилась в рукав, что он предпочёл оставить вопрос до появления начальства.

Стены караульни были белыми, чистыми и холодными. Я уселась на скамью, не зная, стоит ли надеяться на ужин или сразу готовиться к тюрьме. За окном дворцовые часы били ровно, с магической красотостью, от которой мне захотелось

запустить в них сапогом. Шмыг сидел в моём мешке и настойчиво пожёвывал шнурок. До этого дня у нас с ним не было ничего, что стоило бы украсть. Теперь появилось хотя бы время.

До появления хранителя у стола допросов возник молодой писарь с фиолетовыми от чернил пальцами. Он старательно записал, что я «не имею подтверждённого места рождения», «при себе держу подозрительный предмет живой природы» и «проявляю непочтение». Последнее пришлось вписать дважды: пока он записывал, я поинтересовалась, существует ли дворцовая премия за особенно длинные обвинения.

— У вас есть родственники, способные поручиться? — спросил писарь.

— Были. Отличные люди. К сожалению, мёртвые редко соглашаются на поездки.

Он смутился и стал скрести пером. Я смотрела, как он выводит моё имя, и вдруг представила, что завтра этот лист окажется единственным свидетельством моего появления здесь. Меня от этого пробрал холод. Матери больше не было; других людей, которые непременно пришли бы меня искать, тоже.

Шмыг зашевелился в мешке и тихонько пискнул. Я погладила ткань, вспоминая, как в последнюю ночь мать лежала у окна, а на деревянной раме дрожал бледный прямоугольник лунного света. Она почти не могла говорить, но, когда передала мне письмо, крепко стиснула запястье.

«Они обязаны открыть дверь, — прошептала она. — Не верь тому, кто скажет, что клятва устарела».

Тогда я спросила, кто такие «они». Мать закрыла глаза. Я решила, что вопрос подождёт до утра. С тех пор мне не нравились слова «до утра».

— Вы плачете? — с тревогой спросил писарь.

— Нет. Это у меня глаза возмущаются условиями содержания.

Он подвинул ко мне стакан воды. Стакан был чистым; вода — прозрачной и холодной. Я выпила её медленно, старательно не показав, что не получала такой роскоши с прошлого постоянного двора.

За дверью поднялся шум: кто-то говорил «письмо», кто-то «печать», а очень властный голос требовал немедленно позвать мастера Эдрана. Писарь вскочил. Я вернула ему стакан и попробовала пригладить волосы. Вышло хуже, чем было. Кажется, для встречи с людьми, которым корона обязана чем-то древним, следовало выглядеть получше. Но, если клятва действительно стоила чего-то, она, вероятно, должна была действовать и в отношении девушек с дыркой на локте.

Когда дверь открылась, я ожидала увидеть офицера. Вместо этого вошёл старик с ключами на поясе.

Хранитель королевских клятв оказался стариком с сухими пальцами, седой косой и глазами такого бледного цвета, словно когда-то их забыли раскрасить.

Его привели в караульную после того, как три офицера не

смогли решить, считать меня опасной колдуньей, обычной мошенницей или оскорблением общественного порядка. Все три определения мне казались чрезмерными.

— Имя? — спросил старик.

— Ива.

— Полное.

Я назвала фамилию матери — Лирен. Старик перестал перебирать ключи на поясе.

— Покажи письмо.

Я протянула конверт. Он увидел печать и побелел настолько, что на миг мне стало страшно за его здоровье.

Старик прочитал письмо быстро. Затем перечитал медленно. В третий раз он рассматривал уже не строки, а меня.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать один. Иногда ощущается как восемьдесят два.

— Твоя мать... умерла?

— Иначе, боюсь, я не стала бы проделывать весь этот путь ради беседы со стражей.

Старик опустился на стул.

— Этого не может быть.

— Смерти вообще имеют неприятную привычку случаться, не спросив нашего согласия.

— Я не о том, дитя.

Меня раздражало, когда незнакомцы называли меня дитя, но в его голосе было столько усталости, что я промолчала.

Событие редкое, почти историческое.

— Её примут? — спросил офицер.

— Да, — сказал старик. — И немедленно. По праву старой клятвы.

Офицер возмутился:

— Посмотрите на неё!

— Я и так чувствую себя осмотренной со всех сторон, — заметила я.

Старик бережно сложил письмо.

— Девушке предоставят кров, питание и службу при дворцовом архиве. Она останется здесь до особого распоряжения.

— Но кто она такая?

— Гостья, которой корона обязана защитой.

Никто не выглядел обрадованным. Особенно корона, которую в тот день представляли несколько недовольных служащих.

Комнату мне отвели на четвёртом этаже северного крыла. В ней стояли узкая кровать, умывальник с трещиной и стол, одна ножка которого была короче остальных. На окне болталась занавеска цвета старой каши. Я никогда не видела ничего прекраснее.

— Не думай, что тут можно бездельничать, — сказала экономка госпожа Бренн, проводившая меня лично. Это была высокая женщина, похожая на трость, которой без конца колотят по полу.

— Бездельничать у меня получается плохо, — ответила я. — Каждый раз, когда я пытаюсь, непременно что-нибудь происходит.

— Здесь ничего происходить не будет.

Мне следовало насторожиться: судьба не любит подобных обещаний.

Госпожа Бренн посмотрела на существо, уютно устроившееся у меня на плече.

— Это вон.

— Оно очень воспитанное.

В доказательство зверёк опрокинул со стола чернильницу.

— По крайней мере, — добавила я, — мы только начали заниматься его образованием.

Экономка вышла, хлопнув дверью так, что с потолка посыпалась штукатурка. Я села на кровать, прижала к груди письмо и впервые за долгие месяцы позволила себе заплакать. Не громко. Даже здесь я опасалась, что меня услышат и выставят прочь.

Существо забралось мне на колени, ткнулось влажным носом в ладонь и тихо заурчало. Я погладила его одним пальцем.

— Ладно, — прошептала я. — Оставайся. Но только потому, что нам обоим некуда больше идти.

Первая ночь во дворце выдалась удивительно тихой. Мне дали одеяло, миску похлёбки и строгое распоряжение утром предстать перед экономкой. Я съела похлёбку до последней

капли, а миску поставила на подоконник, чтобы утром вернуть. Шмыг немедленно залез внутрь и объявил её своей собственностью.

Среди ночи дверь приоткрылась, и в комнату просунулся нос незнакомого лакея.

— По распоряжению госпожи Бренн всех подозрительных зверей надлежит передать в дворцовую звериную кладовую.

— В звериную что?

— Кладовую. Там раньше содержали редких животных для королевских праздников.

Я посмотрела на лакея, затем на Шмыга, который выглядывал из миски с видом почтенного чиновника, случайно заставшего в своих покоях беспорядок.

— И что же с ними стало после праздников?

Лакей отвёл глаза. Ответ мне уже не понравился.

— Передайте госпоже Бренн, что зверь сбежал, — сказала я. — Вероятно, от ужаса перед местными порядками.

Лакей смерил меня взглядом и ушёл. А я заперла дверь, подперла её хромым стулом и только тогда поняла, что дрожу. Не от холода. В прежней жизни, стоило мне обзавестись чем-нибудь хорошим, непременно находился человек с правом это отнять.

Шмыг забрался на край подушки и ткнул носом моё ухо. От него пахло хлебом и мокрой травой. Я накрыла его краем одеяла.

— Пока я здесь, в кладовую ты не отправишься, — пообещала.

щала я. — Правда, в силу моего общественного положения обещание это не особенно надёжное.

Он засопел. И я подумала, что впервые после похорон матери произнесла слово «пока» не в значении «пока не случится что-нибудь ужасное».

Глава третья. Человек с лицом плохой новости

Утром мне выдали тёмно-серое платье и сообщили, что приступать к работе следует на рассвете. Поскольку рассвет уже закончился, я официально опоздала в первый рабочий день.

Перед началом службы мастер Эдран показал мне маленький стол в углу своего кабинета. На нём лежали три стопки документов и перо, которое требовалось окунать в чернила каждые четыре слова.

— Ваше дело — приводить в порядок старые ведомости, — сказал он. — Если найдёте лист с печатью семи корней, принесёте мне, не читая.

— Как я узнаю печать, не разглядывая лист?

— Вы обладаете редким талантом отвечать вопросом на вопрос.

— Профессиональная необходимость. Ответы мне дают редко.

Эдран поджал губы, но глаза его на миг потеплели. Он выдал мне связку ключей, слишком большую для моих карманов, и заметил, что в подземные уровни архива ходить не следует. Я тут же спросила, существуют ли они на самом де-

ле. Он сделал вид, что не услышал.

Первым испытанием, которое приготовил мне архив, оказалась вовсе не магия. Им был стул.

У стула отсутствовала одна ножка, зато имелась собственная точка зрения на то, сколько времени человек обязан проводить сидя. Когда я попробовала устроиться на нём с каталогом, он выразил несогласие немедленно: ухнул набок, сбросил меня под стол и с грохотом опрокинул чернильницу. Я решила, что знакомство с королевской службой следует считать состоявшимся.

Из соседнего помещения высунулась седая голова переплётчика. Старика звали Освальд, и, насколько я поняла, за сорок два года работы во дворце он произнёс добровольно не больше сотни слов.

— Подложите клин, — посоветовал он.

— Под кого? Под стул или под моё самолюбие?

Освальд исчез и вернулся с деревянным брусом. Починив моё место, он указал на пятно чернил, расползавшееся по столу.

— Бумаг не касаться мокрыми руками.

— А сухими можно?

— Смотря какие бумаги.

Он удалился, оставив меня с ощущением, что тут даже мебель обучена скрывать государственные тайны.

Позднее я узнала, что у переплётчика была жена, когда-то служившая учительницей в глухом северном селении. За её

уроки родители платили мукой, овощами и починкой крыши. Потом магический обогрев перестал работать, наступила суровая зима, и школу закрыли. Освальд не любил говорить об этом; наверное, именно поэтому в его мастерской хранились коробки с обломками грифелей и детскими тетрадами. Однажды я заметила на подоконнике кривую деревянную букву, вырезанную из липы. Он поймал мой взгляд и накрыл её ладонью.

— Старая вещь, — сказал переплётчик.

— Хорошие вещи редко перестают быть хорошими только потому, что состарились.

Старик посмотрел на меня так внимательно, что мне стало неловко. Я поспешила испортить впечатление:

— Впрочем, к моим ботинкам это не относится. Их пора отправить на заслуженную казнь.

В обед архивный посыльный принёс мне похлёбку в жестяной миске. Эдран велел есть за отдельным столом, подальше от редких рукописей. Я благодарно кивнула: рукописи явно ценились здесь выше сотрудников, но по крайней мере их не пытались кормить из одной тарелки с моховиком.

Шмыг вылез из кармана, сунул нос в суп и с оскорблённым видом отпрянул.

— У тебя очень взыскательный вкус для существа, которое вчера съело пуговицу, — сообщила я.

Он приподнял уши. Из них вылетели три едва заметные голубые искры, и на поверхности похлёбки на мгнове-

ние возник цветок. Я осторожно коснулась лепестка ложкой. Цветок растворился, оставив запах дождя и влажного дерева — запах дороги, которой мы шли к столице.

— Не смей превращать мой обед в ботанический сад, — предупредила я. — Меня и без того подозревают во всех несчастьях здания.

В ответ он свернулся клубком прямо поверх каталога. На корешке книги была выбита дата, а ниже — семь разветвлённых линий, напоминавших корни дерева. Я подняла голову. На том же знаке, только значительно более стёртом, было основано старое клеймо, которое мать некогда выжигала на мешках с зерном.

Вспомнилась её рука — тонкая, с ожогом у большого пальца. Она показывала мне, как складывать полотно, чтобы мыши не добрались до запасов, и говорила: «Всякая вещь должна иметь своё место, Ивушка. Особенно та, которую другие могут захотеть отнять».

Тогда мне было десять, и я считала, что речь идёт об орехах. Теперь казалось, что мать произнесла нечто большее. Не отважившись тронуть книгу, я отложила каталог и долго смотрела на собственные руки. После её смерти я почти забыла, каково это — нести куда-то хорошую новость. Мать всегда умела радоваться самым нелепым мелочам: солнечному пятну на стене, ещё одной неделе без долгов, яблоку без червивого жилища. Я же всё чаще радовалась лишь тому, что очередной день удалось пережить.

В дверях снова показался Освальд. Он поставил на край стола небольшой пакет, свёрнутый из серой бумаги.

— Там игла и крепкая нить. У вас рукав скоро оторвётся.

— Это новая столичная мода, — возразила я. — Все ходят с локтями наружу, просто я опередила придворных.

Переплётчик не улыбнулся, но пакет оставил. Внутри, помимо нитки, лежала крошечная овсяная лепёшка. Сначала я решила, что она предназначена Шмыгу. Потом заметила вторую, завернутую отдельно, — для меня.

У людей, которые всю жизнь вынуждены просить, появляется странная привычка: любую милость они рассматривают под разными углами, пытаюсь найти цену. Я тоже подержала пакет, собираясь спросить, что теперь должна старику. Но за соседней дверью он снова застучал молоточком по переплёту, и я поняла, что иногда доброта действительно обходится только тому, кто её проявляет.

Эта мысль показалась мне почти опасной. В королевском дворце я ещё ничего не знала о людях и гораздо меньше — о себе. Но уже в первый день обнаружила, что среди потемневших шкафов можно отыскать не только чужие секреты, но и простую человеческую заботу.

Я зашила рукав, поделилась лепёшкой со Шмыгом и отправилась выполнять поручение. Разумеется, не туда.

Архив занимал целое крыло дворца: высокие полки, узкие переходы, лестницы, которые казались старше королевства. Там пахло пылью, кожей и чернилами. Для человека,

которому всю жизнь приходилось спать в конюшнях и сараях, это место выглядело почти священным.

Мне поручили переносить списки из западного хранилища в восточное. Проблема заключалась в том, что никто не объяснил, как попасть из одного в другое.

Северин Вальд вошёл в мою жизнь гораздо раньше, чем я успела решить, нравятся ли мне люди, которые ходят так бесшумно. Впрочем, в первый день он представлялся мне не человеком, а очередным дворцовым способом испортить себе жизнь.

Перед этим я умудрилась рассортировать три пачки документов по размеру, а не по годам. Эдран долго смотрел на результат, потом произнёс, что за сорок лет службы видел вещи похуже. Спросить какие я не решилась: вдруг он вспомнил бы что-нибудь утешительное и мне пришлось бы продолжать.

В дальнем помещении я нашла связку жалоб, перевязанных выцветшей голубой лентой. Они пахли мокрым сеном и воском. На одном конверте значилось: «Рябиновка. Башня не горит. Ответа нет». Моё сердце ухнуло куда-то под стол: письмо женщины с дороги не было первым. И, судя по пыли, последним тоже не станет.

Я хотела отнести пачку Эдрану, но на пороге появилась дворцовая служащая с серебряной брошью. Она не назвала имени. Просто спросила, не попадались ли мне отчёты северных округов, и провела ладонью по полке, не касаясь пы-

ли. От её пальцев пахло цветами, хотя в помещении не было ни одного растения.

— Вам нужен каталог? — спросила я.

— Мне нужно знать, кто из служащих занимался этой секцией.

Я едва не ответила «я», но Шмыг, сидевший под воротом, укусил меня за шею. Маленький предатель впервые оказался полезен.

— Здесь много умных людей, — сказала я. — Они непременно помогут вам. Меня пока допускают только к самым незначительным бумажкам.

Женщина задержала на мне взгляд и ушла. Несколькими минутами позже пачка жалоб исчезла с моего стола. На месте голубой ленты остался тонкий холодный след. Я подняла её обрывок и обнаружила на краю несколько чёрных крупинок, похожих на стеклянный песок.

Вот тогда я и отправилась искать мастера Эдрана. Если от меня пытались спрятать список деревень, я собиралась выяснить почему. Дворец, правда, был построен человеком, явно ненавидевшим прямые линии, так что начало расследования пришлось отложить до тех пор, пока я хотя бы раз найду дорогу к архивариусу.

Через час я обнаружила себя перед дверью, на которой было написано: «Доступ запрещён».

Человеку разумному следовало повернуть назад. Я же услышала за дверью приглушённый стук и решила, что там

кто-то попал в беду.

Едва я коснулась ручки, дверь распахнулась сама.

Из полутёмного помещения вышел мужчина. Высокий, широкоплечий, в чёрном мундире с серебряной застёжкой у горла. Тёмные волосы были убраны назад, а лицо отличалось строгой, почти суровой красотой, которую портило только выражение крайнего недовольства.

Он посмотрел сначала на меня, затем на связку документов под моей мышкой.

— Кто вы?

— В данный момент — человек, который очень хотел бы узнать, где восточное хранилище.

— Вы стоите у закрытого отдела Ночной стражи.

— Значит, восточное хранилище здесь не находится.

Его глаза были серыми, как небо перед грозой. Не думаю, что у грозового неба бывало такое же желание кого-нибудь придушить.

— Вам запрещено сюда входить.

— Прекрасная новость. Я как раз ещё не вошла.

— Вы открыли дверь.

— Она открылась сама. Возможно, ей стало скучно.

Мужчина перевёл взгляд на дверной замок, потом снова на меня.

— Имя.

— Ива Лирен.

На мгновение что-то изменилось в его лице. Это было по-

что неуловимо, но я заметила: он узнал фамилию.

— Северин Вальд, — представился он холодно. — Начальник Ночной стражи. Если я ещё раз встречу вас в запрещённом крыле, вы проведёте ночь в караульне.

— Надеюсь, там хотя бы топят.

Он склонил голову.

— Вы всегда отвечаете прежде, чем подумаете?

— Иногда я успеваю подумать, но ответ от этого редко становится лучше.

Я ожидала приказа арестовать меня. Вместо этого мужчина забрал у меня бумаги, развернулся и зашагал по коридору.

— За мной.

Мы шли молча, пока он не остановился у неприметной двери.

— Восточное хранилище.

— Спасибо, господин Вальд.

— Не благодарите. Я не терплю, когда люди бесцельно блуждают по моему дворцу.

— Разве дворец ваш?

— Нет.

— Тогда это было очень щедрое заявление.

Он медленно выдохнул. Я впервые заметила тонкий белый шрам, уходящий от его виска под воротник.

— Постарайтесь не погибнуть до вечера, госпожа Лирен. Мне не хотелось бы заполнять лишние бумаги.

Он ушёл. Я смотрела ему вслед с ощущением, что только

что познакомилась с человеком, способным заморозить озеро одним неодобрительным взглядом.

В этот миг полка слева негромко треснула.

На меня обрушилось около сотни старых реестров.

Из-за поворота послышался усталый голос:

— Разумеется.

Господин Вальд вернулся, поднял с пола тяжёлую балку и вытащил меня из-под книг. Когда он поставил меня на ноги, я обнаружила, что вцепилась обеими руками ему в рукав.

— У вас очень надёжные полки, — сказала я дрожащим голосом.

— А у вас редкий талант испытывать моё терпение.

— Зато мы оба раскрываем свои способности.

Он посмотрел на меня так, словно решал, проще ли уйти в отставку или лично запереть меня в безопасной кладовой.

Глава четвёртая. Этикет для тех, кому нечего терять

За три дня знакомства с начальником Ночной стражи я усвоила две вещи. Во-первых, ни один дворцовый коридор не ведёт туда, куда кажется. Во-вторых, если госпожа Бренн произносит ваше имя тихо, бежать уже поздно.

В тот день она вызвала меня в свою кладовую, где на полках стояли баночки с воском, полиролью и чем-то, подозрительно напоминавшим консервированное человеческое терпение.

— Вы умудрились испортить три каталога, госпожа Ли-

рен.

— Два. Третий и прежде был мокрым.

— Вы принесли в королевскую библиотеку уличное животное.

— Оно читает только картинки.

— И вы назвали лорда Ниселя надутым петухом.

— В свою защиту замечу: я не знала, что он стоит за дверью.

Бренн прищурилась. Её лицо было устроено так, что любой прищур выглядел приговором.

— С сегодняшнего дня вы будете помогать на кухне перед завтраком, в архиве до обеда и в бельевой после обеда. Если не сумеете принести пользу хотя бы там, вас отправят чистить водостоки.

Я уже приготовилась возразить, что водостоки хотя бы не разговаривают, но в дверь постучали. Вошла девушка лет двадцати, круглолицая, с рыжей косой и потрескавшимися от щёлока пальцами.

— Госпожа Бренн, прачечная просит ещё три пары рук.

— Возьмите эту, Мара. Руки у неё две, но бед она производит на шестерых.

Так я познакомилась с первым человеком во дворце, который не посмотрел на меня как на засорившийся камин.

Мара отвела меня в прачечную — царство горячего пара, мыла и новостей. Между чанами с бельём женщины обсуждали, кто танцевал с принцем, чья камеристка носит чу-

жие чулки и почему у придворного казначея каждую неделю пропадает новая шкатулка для писем.

— Тут легко выжить, — шепнула Мара, выдавая мне стопку простыней. — Не спорь с экономкой, не верь красивым мужчинам и никогда не ешь пирожки, которые раздают после королевских приёмов.

— Почему?

— Они сделаны из того, что осталось с позапрошлого приёма.

Я посмотрела на неё с уважением. Мара обладала знаниями, ради которых иные путешественники пересекают пустыни.

Мы полоскали бельё до самого вечера. Оказалось, мои руки помнят работу куда лучше, чем придворный этикет. Я рассказала Маре, как однажды три дня мыла тарелки в придорожной харчевне, пока хозяин не обвинил меня в порче магического самовара. Самовар взорвался только после того, как он сам попытался налить в него горючий спирт, но на справедливость это не повлияло.

— Ты правда нигде не жила постоянно? — спросила Мара.

— Последнее постоянное жильё сгорело. До этого мы с матерью снимали комнату с очень постоянными тараканами. Она перестала улыбаться.

— Прости.

— Не надо. Тараканы, я уверена, до сих пор живут там

счастливо.

Мара была первым человеком при дворе, который разговаривал со мной не для того, чтобы отдать приказ, попросить освобождения прохода или сообщить о последствиях моей последней неудачи. У неё были сильные руки, рыжие волосы, всегда выбивавшиеся из-под чепца, и привычка складывать крошки со стола в мешочек — для голубей, как она утверждала. Я подозревала, что для себя. В наших обстоятельствах разница была невелика.

— Здесь нельзя показывать, что тебе что-то очень нужно, — объяснила она, пока мы прятались у кухонной печи. — Даже хлеб.

— Особенно хлеб? Его я люблю всей душой.

— Тогда люби потише. Нас слушают.

Разговор был прерван таким отчаянным визгом, что половина прачек схватилась за юбки. На кухонном пороге появился Шмыг, волоча за собой розовую атласную ленту длиной в два человеческих роста. За ним неслась камеристка леди Селин с лицом человека, у которого на глазах похищают приданое.

— Отдайте! Это из бального набора!

— Мысль прекрасная, — сказала я, — но, как видите, ваш противник принадлежит к породе существ, презирующих переговоры.

Я попыталась перехватить ленту. Шмыг свернул за чан с бельём, лента натянулась, зацепила корзину, корзина опро-

кинулась прямо под ноги госпоже Бренн. На мгновение все замерли. Даже вода перестала капать.

Экономка медленно подняла ленту двумя пальцами.

— Лирен. В вашем присутствии вещи теряют не только порядок, но и общественное положение.

— Позвольте возразить, госпожа Бренн. Лента всего лишь сменила владельца. К тому же временно.

Мне назначили внеочередную стирку скатертей. Мара, помогая выжимать тяжёлую ткань, хихикала так сильно, что едва не уронила чан. Я, разумеется, не смеялась: у меня имелось слишком много оснований уважать опасность.

Но вечером камеристка вернулась с той же лентой. Она призналась, что накануне куда-то пропала маленькая серебряная застёжка от воротника её госпожи, а Шмыг стащил именно ленту, которой была перевязана коробка. Мы развернули остатки ткани и обнаружили в шве узкую ниточку чёрного стекла.

Мара потянулась к ней. Шмыг ошетинился, расправил уши и так резко чихнул, что нитка рассыпалась тёмной пылью.

— Испорченное украшение? — предположила я.

— Застёжку доставили от графа Ниселя, — прошептала камеристка. — Госпожа Селин отказалась надевать её. Он рассердился.

Мы переглянулись. Тогда я ещё не знала, что стеклянные нитки используются для записи разговоров. Но поняла:

Шмыг тащит не только то, что блестит. Иногда он крадёт именно то, что кто-то тщательно прячет.

В тот вечер я впервые поставила рядом с его миской ку-сочек сладкого корня — в знак благодарности. Он съел корень, после чего украл мою ложку. Видимо, доверие должно оставаться обоюдным.

В кухне стучали ножи, кипели котлы, пахло луком и душистым уксусом. Над огромной плитой горел магический круг, удерживающий жар без дров. На секунду он мигнул. Повариха недовольно ударила по медной рамке. Свет вернулся, но я заметила, как она украдкой перекрестила ладони старым деревенским знаком.

— Такое бывает? — спросила я.

— Последнее время чаще. Её величеству объясняют, что идёт перенастройка источников. А Бренн велит экономить свечи.

— Странно. Свечи ведь обычные.

— Именно поэтому, — сказала Мара и вручила мне потрёпанный план служебных ходов. — Вот. Чтобы ты наконец перестала заходить в покои, где люди переодеваются.

— Я зашла туда один раз.

— Три. После второго у камердинера начался нервный тик.

Вместо угловатых коридоров карта представляла собой россыпь значков: прачечная, кладовая, кухня, переходы за стенами. Я узнала, что служащие запоминают дворец не по

номерам дверей, а по запахам и звукам: где пахнет полиролью, где гудят трубы, где шуршат мыши. Это объясняло, почему я вечно оказывалась не там: подземный звон, который начинал тревожить меня в некоторых местах, не был нанесён ни на одну карту.

Мара заметила, как я прислушиваюсь.

— Что?

— Тебе никогда не кажется, что стены здесь... тянут за рукав?

Она посмотрела на меня участливо.

— Ива, если стены начали с тобой разговаривать, сначала поешь. Во дворце это лучшее средство против большинства несчастий.

Я рассмеялась, но карту спрятала глубоко в мешок. Между прочим, в дальней кладовой обнаружилась ещё одна дверь, которой не было на плане. И из-под неё, как мне показалось, тянуло холодным железом.

После работы Мара принесла мне ломоть хлеба с сыром и показала, как пройти в северное крыло, не попадая под глаза караульных. На лестнице обнаружился серый зверёк. Он сидел посреди ступеней, обняв своими крохотными лапками украденную катушку красной нити.

— Что это? — ужаснулась Мара.

— Моя ошибка воспитания.

Зверёк чихнул. Нить вспыхнула голубым, а в воздухе повисла надпись из крошечных искр. Ни я, ни Мара не успели

разобрать слова: они распались, едва коснувшись каменной стены.

— Это не простой зверь, — прошептала Мара.

— Я начала подозревать, когда он научился красть мои носки изнутри сундука.

— Такие водились у нас на севере. Бабушка называла их путевыми моховиками. Они показывают дорогу тем, кто потерялся. Потом исчезли, когда иссяк старый родник.

Я посмотрела на существо. Оно нагло пожевало нитку и свернулось у меня на шее.

— Что ж, Шмыг, — сказала я. — Имя я тебе выбрала верно. Особенно если ты собираешься и дальше шмыгать по чужим карманам.

В ту ночь я впервые уснула сытая. На столе лежала хлебная корочка, оставленная на завтрак. За стеной мерно постукивали трубы, и мне казалось, будто огромный дворец осторожно разговаривает сам с собой.

Глава пятая. Девушка, которую никто не замечал

Проснувшись среди ночи, я услышала другое: слабый протяжный звон, словно где-то под полом провели ногтем по хрустальному бокалу.

Шмыг поднял голову. Его уши светились.

— Даже не думай, — прошептала я.

Он посмотрел на меня с таким презрением, какого я прежде устаивалась только от госпожи Бренн, и исчез под дверью.

Я осталась в кровати. Минут на пять — личный рекорд благоразумия.

Ещё я выяснила, что в разных частях дворца живёт разная правда. На верхних этажах говорили о политике и браках; этажом ниже — о долгах и незаконных ребёнках. В кухнях знали, кто и с кем действительно ужинал, а в конюшнях — кто и куда уезжал ночью. Мне достался редкий доступ ко всем этим мирам: человека, которому постоянно поручают мелкую работу, почти никто не замечает.

Сначала я собирала чужие истории из любопытства, как дети собирают необычные камешки. Но однажды в корзине с мусорными бумагами нашла просьбу деревенского старосты о ремонте магического колодца. Внизу стоял ответ казначейства: «Расходы признаны излишними». На обороте кто-то набросал счёт за праздничную подсветку королевской галереи. Его сумма превышала стоимость ремонта в сорок раз.

Я отнесла бумагу Маре. Она прочитала молча, затем аккуратно сложила и спрятала в рукав.

— Пожалуйста, больше не ищи такого, — попросила она.

— Почему?

— Потому что когда узнаёшь цену чуду, трудно потом смотреть на него как прежде.

Мне почему-то стало стыдно вспоминать собственное восхищение столичными фонарями.

За первую неделю во дворце я разбила чашку, перепутала лестницы, случайно назвала третьего казначея «господином

с лицом испорченного яблока» и узнала, что господин с лицом испорченного яблока имел превосходный слух.

Служащие начали обходить меня стороной. Это оказалось чрезвычайно удобно: когда люди не желают иметь с тобой дела, они перестают следить за тем, что ты слышишь.

Незаметность, как выяснилось, требует немалого труда. Сначала человек должен быть слишком беден, чтобы его представили; затем слишком неловок, чтобы кто-нибудь пожелал с ним разговаривать; наконец, достаточно полезен, чтобы о его присутствии забыли в ту секунду, когда ему передали очередной поднос. Я соответствовала всем трём условиям и могла бы гордиться успехом, если бы подобные достижения принимали при раздаче жалованья.

Мара однажды взяла меня с собой в старую гладильню. Там работали женщины, которые гладили рубашки королевских приближённых с таким жаром, будто надеялись выпрямить заодно их совесть. Посреди помещения стоял тяжёлый чан; по стенам тянулись медные трубы. Когда-то вода нагревалась сама, без огня. Теперь половина труб была холодной, и прачки таскали дрова из кухни.

— Вы, должно быть, плохо обслуживаете чары, — сказала одна из новых надзирательниц, постукивая по трубе ногтем.

Старая прачка Ферра подняла голову. Лицо у неё было покрыто мелкими морщинами, а руки — шрамами от горячего пара.

— Мы обслуживаем их тридцать лет, госпожа. Когда они

работали, вы ещё учились завязывать шнуры.

— Следите за выражениями.

— Следить за выражениями легче, когда пальцы не мёрзнут, — пробормотала я.

Мара толкнула меня локтем. Надзирательница повернулась, смирив мой вид и велела вынести ведро золы. Судя по лицу Мары, это было самым мягким наказанием из возможных.

Во дворе я увидела мальчишку лет двенадцати, который стоял возле ворот прачечной и крутил в пальцах медный жетон. Он представился Тимо, сыном Ферры, и первым делом спросил, правда ли во дворце умеют лечить от любой болезни.

— Мне бы хотелось сказать «да», — ответила я. — Но здесь и от дурного характера никого не вылечили.

— А от остывания сердца?

Я не сразу поняла, что он имеет в виду. Тимо показал мне руку. Под кожей у него проступали тонкие серые линии, как ниточки инея на стекле. Он рассказал, что после исчезновения обогрева в их квартале мать стала покупать лекарства для младшей сестры. Врач объяснил, что такие полосы появляются у детей, чью маленькую магию вытягивает неисправный городской источник. Исправить источник обещали уже дважды. Потом перестали принимать заявления.

— Ты никому не показывал? — спросила я.

— Показывал. Офицер сказал, что у меня руки грязные.

Я посмотрела на свои пальцы, вечно измазанные чернилами и золой. Если бы грязь являлась достаточной причиной не слушать человека, меня следовало бы лишить права говорить навсегда.

Тимо протянул жетон. На одной стороне был вытиснен городской герб, на другой — знак из семи пересечённых линий. Такими жетонами, сказал он, отмечали семьи, подавшие прошения в палату магического содержания. Получив знак, надо было ждать вызова. Его мать ждала уже четыре месяца.

— А если жетон потерять?

— Тогда скажут, что заявления не было.

Он убрал медную пластинку в карман с осторожностью, от которой у меня заболело сердце. Вещь стоила, вероятно, несколько медяков, но для него означала последнюю возможность, что взрослые наконец исполняют обещание.

Вечером я попробовала отыскать записи о таких жетонах. В главном реестре числилось немногим больше сотни обращений, хотя одна только Ферра рассказывала о десятках семей на своей улице. Я пересчитала строки, решила, что ошиблась, и пересчитала снова. В счёте я была слабее, чем в язвительности, но исчезновение нескольких сотен жалоб можно заметить и без выдающихся способностей.

Освальд, увидев мой интерес, тихонько закрыл дверь мастерской.

— Не оставляйте запросы в открытом столе, — сказал он.

— Не волнуйтесь. Мои запросы столь неграмотно составлены, что и шпион не разберётся.

— Разберётся тот, кто знает, чего ищет.

Он вынул из-под стопки переплёттов старую карточку с напечатанным словом «возвращено». На обороте стояла дата, а рядом — едва различимая подпись. Я прочла её по складам: начальник канцелярии внутренних поставок.

— Зачем вы мне это показываете?

— Потому что однажды я уже поверил, что бумаги исчезают по ошибке.

Старик не рассказал больше ничего. Но после этого я стала смотреть на архив иначе. Он казался каменным животом огромного существа, проглотившего слишком много чужих надежд. Каждая папка могла быть последним следом чьей-то просьбы о помощи, а каждый пропуск в каталоге — чьим-то тщательно выверенным отказом.

Ночью я возвращалась к себе через служебную лестницу и заметила у дверей гладильни знакомую надзирательницу. Она передавала мужчине в сером плаще толстую пачку медных жетонов. Тот высыпал их в небольшой мешок. Я хотела подойти и спросить, почему государственные служащие собирают детские надежды, как старые пуговицы, но Шмыг вцепился в шнурок моего ботинка и потащил меня вниз по ступенькам.

— Ты ужасно настойчив, когда дело касается моего унижения, — прошептала я.

Он не отпустил. В следующую секунду надзирательница повернула голову. Серый мужчина зашёл за колонну, будто знал, куда смотреть.

Я спряталась в нише. Шмыг прижался к моей ладони, и впервые его привычный запах мха смешался с резкой гарью. Из-за стены донёсся едва слышный скрип: мешок с жетонами запечатывали горячим воском.

Спустя несколько минут я выбралась, сделав вид, что всю жизнь мечтала любоваться ночью на дворцовую метлу. Утром жетонов уже не было, а в канцелярии сообщили о плановой проверке жалоб. Я тогда не знала, сколько людей зарабатывают на том, чтобы чужие просьбы никогда не доходили до адресата. Знала только одно: Ферра продолжала топить холодную гладильню дровами, а Тимо всё ещё ждал вызова.

И с того дня, услышав слово «проверка», я представляла вовсе не чиновника с пером. Я видела мальчика с серыми нитями под кожей, крепко зажавшего в кармане маленький медный круг.

В прачечной я узнала о тайной помолвке одной придворной дамы. На кухне — о пропаже пяти мешков сахара. А однажды, заблудившись за гобеленом, услышала разговор, который уже не показался смешным.

— В Лиственской долине потоки почти иссякли, — говорил мужской голос. — Следующий сбор оставит людей без защиты.

— Столице нужно больше, — ответил другой. — Совет-

ник подписал распоряжение.

— Там дети, господин.

— Везде дети.

Тишина после этих слов была такой тяжёлой, что у меня сжалось горло.

Я осторожно отступила и наступила на хвост своему серому спутнику. Он взвизгнул. За gobеленом слышались быстрые шаги.

Я побежала.

Пробежав два коридора, влетела в человека в чёрном мундире, словно судьба нарочно расставляла его на моём пути.

— Госпожа Лирен, — сказал Северин, поймав меня за локти. — Я начинаю подозревать, что вы преследуете меня.

— У вас богатое воображение.

— А у вас дрожат руки.

Я хотела ответить привычной колкостью, но увидела за его плечом двух мужчин. Один из них был в серой одежде дворцового сборщика.

— Мне нужно уйти, — прошептала я.

Северин посмотрел туда, куда смотрела я. Его пальцы едва заметно сжались.

— Вы со мной, — сказал он громко.

— Но...

— Госпожа Лирен несёт документы по моему поручению. Есть возражения?

Мужчины поклонились и прошли мимо.

Северин повёл меня в боковой коридор. Только там отпустил.

— Что вы слышали?

— А вы почему решили, что я что-то слышала?

— Потому что обычно вы бежите от собственных ошибок. Сегодня — от чужих.

На секунду мне показалось, что он видит меня слишком ясно. Это оказалось неожиданно неприятно.

— Речь шла о деревнях, — сказала я. — О сборе. Люди говорили, что там не останется магии.

Его лицо стало неподвижным.

— Забудьте.

— Полагаете, у меня получится? Я даже дорогу к архиву забыть не могу, хотя хожу по ней каждый день.

— Это не шутка.

— Я заметила.

Он шагнул ближе.

— Ива. Если хотите остаться живой, не вмешивайтесь.

Он впервые произнёс моё имя без насмешки и официального обращения. В груди странно дрогнуло.

— Так вы знаете, о чём они говорили, — тихо сказала я.

Северин не ответил. И это было ответом хуже любого признания.

Глава шестая. Письма и сад без весны

Мара получила письмо в середине недели. Почтальон принёс целый мешок корреспонденции для слуг, но её кон-

верт был почти чёрным от воды и копоти. Она прочитала его, стоя возле кухни, и медленно опустилась на табурет.

Я нашла её там, когда пришла просить дополнительную порцию похлёбки для Шмыга. Не то чтобы я собиралась при-знаваться в существовании третьего ужина. Просто зверёк рос на глазах и уже успел прогрызть карман моего единственного приличного платья.

— Что случилось?

Мара сложила лист вчетверо. Слишком аккуратно для человека, у которого дрожат руки.

— Младший брат пишет. У нас в селе замёрзла мельница. Не от холода. Магический жернов остановился, и никто не может заставить его вращаться. Потом умерли огоньки у дороги. А вчера сломался родник: вода перестала подниматься.

— Можно починить?

— Местный мастер пытался. У него перестала зажигаться даже свечка. Он говорит, будто сила утекает в землю. Отец собирается переезжать, только куда? Землю не продать. Кто купит поле, которое не может напоить себя?

Я вспомнила сухой колодец в Липовом Броде. Там женщина носила воду шесть часов из другого селения, а городской сборщик, проезжая мимо, назвал её жалобы преувеличением.

— В столице всё светится даже в уборных, — сказала я. — Может, здесь знают, как помочь.

Мара невесело усмехнулась.

— Здесь знают. Здесь не хотят слышать.

Я пообещала выяснить, кому можно показать письмо. Давать обещания было одной из дурнейших моих привычек. Как правило, после них приходилось делать нечто, для чего у меня не было ни денег, ни положения, ни достаточного количества здравого смысла.

В архиве находились карты магических источников. Я отыскала Лиственскую долину — край, где родилась Мара. На старой карте через её деревню проходили семь тонких синих линий, похожих на корни дерева. На новой — четыре. Остальные были аккуратно соскоблены. Бумага в этих местах истончилась, но под ней виднелись прежние чернила.

— Вы изучаете гидрологию? — раздалось над плечом.

Я подскочила и почти прищемила палец линейкой. Рядом стоял молодой придворный маг в тёмно-синем жилете. У него были медные волосы, тонкие очки и выражение человека, который не привык встречать в архиве ничего неожиданного, кроме опечаток.

— Я изучаю способы испортить вам день, — сообщила я. — Судя по лицу, наука перспективная.

— Лоран Тесс, младший инспектор магических сооружений. А вы, должно быть, пресловутая госпожа Лирен.

— Пресловутая? Мне нравится, как быстро растёт моя известность.

Он приложил к карте латунный круглый прибор, напоминавший испорченные карманные часы. Стрелка нервно за-

скользила по делениям, затем встала против севера.

— В некоторых провинциях идут плановые перенастройки каналов, — произнёс он.

— Плановые? Люди в деревнях перестали получать воду.

— Техническое обслуживание причиняет временные неудобства.

— Надеюсь, когда у вас выкачают кровь, лекарь тоже назовёт это временным неудобством.

Он вздрогнул.

— Вы делаете выводы без подготовки.

— А вы — без совести?

Я пожалела о словах немедленно. Лоран побледнел, но не ушёл. Он снова положил прибор на карту и произнёс уже тише:

— Я сам составлял расчёты для северных ветвей. По моим цифрам потеря должна была составить не более одной двадцатой. Если ваш случай действителен, кто-то менял данные после проверки.

Это прозвучало не как оправдание, а как начало страха.

Мы договорились проверить старые ведомости. Он взял мои записки, велел никому не говорить об источнике сведений и обещал вернуться через два дня.

Не вернулся.

На следующий день после разговора с Лораном я не смогла удержаться и явилась к магической палате с самым невинным выражением лица. Оно у меня получилось таким неубе-

дительным, что караульный без лишних вопросов записал моё имя в журнал нарушителей.

Магическая палата находилась в башне с зелёными окнами. Даже воздух там пах дорогой магией: острым озоном, раскалённой медью и чем-то сладким, как перезревшие яблоки. Через приоткрытую дверь я увидела Лорана, склонившегося над прибором. Между двумя кристаллами текла тонкая полоска света, а на стене проецировалась карта северных деревень.

— Я сказала себе, что не стану вмешиваться, — начала я из-за косяка. — Но моё слово, к сожалению, не обладает юридической силой.

Он едва не уронил линейку.

— Как вы сюда попали?

— Сначала по лестнице. Потом вопреки здравому смыслу.

Лоран поспешно закрыл прибор тканью. Я успела заметить цифры: ноль, пять, девять — и красную черту, уходившую за пределы шкалы.

— В моих расчётах нет этой черты, — прошептал он. — По официальной таблице потери в Лиственской долине не превышают допустимого уровня. А прибор показывает, что изъято почти всё.

— Значит, таблица врёт.

— Таблица сама ничего не делает. Кто-то заменил исходные измерения, и под ними стоит моя подпись.

Я впервые увидела, как мужчина, привыкший спорить обо всём, по-настоящему испугался. Он снял очки и сжал переносицу.

— Если я заявлю об этом сейчас, меня обвинят в подлоге. А если промолчу, значит, буду соучастником.

— Поздравляю. Вы наконец приблизились к обычному положению вещей: правильный поступок оказался самым неудобным.

Он не улыбнулся.

— Вы не понимаете. Здесь не просто ошибка. Кто-то излучает обратную волну, которая гасит дар тех, кто рядом с источниками. Я был уверен, что такой способ невозможен.

Под тканью кристалл коротко вспыхнул. Шмыг прижался ко мне и затрясся. Лоран посыпал прибор солью, и свет погас.

— Уходите, — сказал он. — Если они узнают, что вы видели...

Я хотела спросить «кто», но в этот момент по лестнице поднялись шаги. Лоран сунул мне скомканный чертёж, на котором возле семи линий стояла пометка «обратный зажим», и вытолкал за боковую дверь. Я провела в тесной кладовой добрых десять минут, стоя среди вёдер с медными обручами и размышляя, почему все мои знакомства так быстро перерастают в вопрос о сохранении жизни.

Выбравшись наружу, я обнаружила, что чертёж пах тем же чёрным стеклянным песком, который остался после исчез-

новения жалоб. Это было первое вещественное доказательство, которое мне удалось не уронить и не потерять. Я даже поздравила себя. Несколько часов спустя оно промокло под дождём, но я предусмотрительно успела перерисовать схему на обратной стороне собственного списка жалоб.

Вечером третьего дня я увидела его в коридоре, где он беседовал с советником Варраном. Лоран стоял бледный, без очков, а советник держал ладонь у него на плече с почти отеческой нежностью. На руке Варрана сверкнул перстень с семью корнями.

Когда они ушли, Шмыг, прятавшийся у меня в воротнике, протяжно заскулил. Я посмотрела на место, где стоял Лоран. Снизу, сквозь пол, тянуло знакомым ледяным звоном.

Я ещё не знала, что страшнее: когда дворец скрывает тайны или когда он начинает понимать, что ты их ищешь.

Было во дворце одно место, которое я сразу невзлюбила: зимняя оранжерея. Не из-за цветов — цветы ни в чём не виноваты. Но под её стеклянным куполом среди ноябрьского холода цвели огромные розы, и каждый бутон сиял внутренним светом. Они напоминали мне улыбки людей, которым никогда не приходилось считать медяки.

В оранжерею меня отправили за старым реестром закупок. Хранитель растений, маленький господин с тонкими усиками, велел ничего не трогать. Я кивнула и почти сразу задела локтем корзину с пустыми горшками. Обычное начало хорошего дня.

Пока я собирала землю, Шмыг спрыгнул с плеча и умчался между рядами белых роз. Я бросилась за ним и наткнулась на тонкую трубку, уходящую в грунт. По трубке медленно текла золотистая жидкость, похожая на расплавленный свет.

— Это полив? — спросила я садовника, когда тот обнаружил меня стоящей на коленях среди кустов.

— Питание, — ответил он раздражённо. — Его присылают из королевской магической палаты. Идите прочь, здесь всё дорого стоит.

Я вспомнила о сухом роднике Мары и невольно коснулась трубки. Меня охватил холод; на мгновение я ощутила, как далеко-далеко, за городскими стенами, пересохшая земля тянется к тому самому свету, который здесь тратят на розы.

— У вас всё хорошо? — спросил садовник.

— Прекрасно. Я просто впервые увидела, как поливают деньги.

Он прогнал меня. Но, возвращаясь с реестром, я заметила у стеклянной двери королеву Альвину. Она стояла одна, без фрейлин, и смотрела на расцветший сад без малейшего удовольствия.

— Красиво, не правда ли? — спросила она.

— Поразительно, — ответила я. — Особенно если не знать, откуда берётся вода.

Королева посмотрела на меня. Я приготовилась к немедленному увольнению, но она лишь сказала:

— Красота иногда оказывается самым удобным способом не видеть цену.

Этот разговор продлился всего несколько мгновений, но запомнился мне сильнее любого приказа.

После разговора с королевой я ещё некоторое время бродила между стеклянными стенами, не решаясь выйти. В этой части сада росли не розы, а крошечные деревья в глиняных горшках. На некоторых висели серебряные таблички с названиями городов. Лиственская долина была представлена сухим деревцем, по стволу которого шла глубокая трещина.

Рядом стояла пожилая садовница. В отличие от своего начальника, она не попыталась меня прогнать. Просто подала маленький совок.

— Если уж стоите, подсыпьте земли. Корням холодно.

Я подчинилась. Земля в горшке оказалась серой, как зола. Я осторожно насыпала её вокруг стволика и почувствовала под пальцами слабую пульсацию — будто далеко отсюда звонил колокол, до которого не долетал звук.

— Отчего его не поливают тем же светом, что розы? — спросила я.

— Он не принимает чужой силы. Королева когда-то велела собрать здесь живые отростки всех провинций, чтобы помнить, чем держится страна. Потом пришёл советник и приказал питать только парадную часть сада.

— А королева?

Садовница долго обрывала сухой лист.

— Королева помнит. Иногда память — единственное, что оставляют человеку при дворе.

За стеклом я увидела Альвину. Она беседовала с мужчиной в зелёной мантии, с тем самым изысканным холодом, который я прежде наблюдала только у госпожи Бренн перед выговором. До нас долетели обрывки слов: «список северных прошений», «не согласно печати», «до зимы». Мужчина быстро поклонился, но в его движении было больше угрозы, чем почтения.

— Кто это? — прошептала я.

— Казначейский поверенный. Слушает иногда лучше, чем следует. А говорит только то, за что ему платят.

Садовница окликнула меня уже у дверей.

— Девочка. Ваш серый спутник снова в корнях копается.

Шмыг стоял на краю клумбы, наклонив уши в разные стороны. Одно светилось мягким голубым, другое было тусклым, как промокшая бумага. Под его лапами проходила едва видная борозда, заполненная искусственной серебристой землёй.

— Уведите его, — попросила старуха. — Магическая служба не любит, когда кто-нибудь трогает подводящие трубы.

— А эти трубы что-нибудь подводят? — спросила я.

— Жизнь, так нам говорят. Только мои яблони от такой жизни перестали давать плоды.

Она отвела меня к дальней стене, где росло кривое дерев-

це с узкими красными листьями. Оно было посажено сорок лет назад, ещё её отцом, и прежде цвело даже в скудные годы. Теперь его корни обнимали хрустальную трубку, словно верёвку на горле.

— Каждый месяц мне присылают удобрения и приказывают увеличивать сияние, — сказала садовница. — Цветы сияют, а земля мертвеет. У меня дед без всякой учёности знал: если землю всё время просить, а ничего не возвращать, она перестаёт слушать.

Шмыг осторожно соскользнул вниз, обнюхал трубку и замер. Из серебристой почвы поднялся тонкий запах дождя. Я увидела, как по одному его уху пробежал слабый огонёк и тут же погас.

— Ему больно? — спросила я.

— Путевым моховикам не положено жить рядом с переломанными магическими ручьями, — сказала садовница. — Их уши привыкли слышать течение. Когда течение запирают, они слышат только стену.

Я подняла зверька на руки. Он не пытался вырваться — это напугало меня сильнее обычных укусов.

Садовница дала мне горшочек с обычной землёй, не тронутой дворцовой алхимией. Велела поставить рядом с его спальным местом. Возможно, от земли будет пахнуть лесом, который он ещё помнит.

Когда я подняла глаза, садовница уже исчезла за пальмами. Зато на краю горшка лежала маленькая стеклянная бу-

сина с семьёю тонкими бороздками. Я спрятала её в ладонь. Позже Эдран скажет мне, что такие бусины использовали для старых схем распределения потоков, ещё до появления накопителей.

Тогда я ничего этого не знала. Мне казалось только, что мёртвое деревце в горшке было не украшением, а предупреждением, которое кто-то старательно прятал среди цветов.

Вечером Шмыг долго спал, зарывшись в этот горшок по самые уши. Мои единственные чистые простыни стали похожи на поле после распутицы. Я не ругала его. Впервые мне пришлось в голову, что у зверька тоже был дом и что исчезновение магии отняло его раньше, чем он встретил меня.

Глава седьмая. Клинок и осенний бал

Позднее за оранжереей меня остановил человек в сером плаще. Он хотел узнать, что именно я увидела возле розовых кустов. Я ответила, что если ему интересны садоводческие подробности, лучше обратиться к человеку с усиками. Незнакомец положил руку мне на плечо так сильно, что я поняла: шутка не удалась.

— Ты слишком много бродишь, девочка.

— Это моя старая привычка. Зато очень полезная для ног.

Он потащил меня в сторону боковой двери. Я попыталась вырваться, ударила его каблуком, потеряла один башмак и с грохотом влетела в стойку для лопат.

Северин появился в тот момент, когда неизвестный приставил мне нож к горлу.

— Руки убрал, — произнёс он тихо.

— По приказу...

— Скажешь мне имя того, кто приказал. Потом.

Мужчина отпустил меня и бросился бежать. Северин не стал преследовать: сначала поймал меня, когда ноги подкосились, и только затем подал знак дежурным стражам.

— Я ведь велел держаться подальше от подозрительных мест, — произнёс он.

— Оранжерея была официально признана подозрительной? Тогда у вас следует пересмотреть указатели.

Он опустил передо мной на одно колено и помог надеть потерянный башмак. Я смотрела на его тёмную макушку и не знала, куда девать руки. Вдруг эта суровая фигура показалась мне нелепо уязвимой: начальник Ночной стражи, который не умеет просить человека быть осторожным, но способен молча поправить ремешок на его старой обуви.

— Ты не виновата, что кто-то решил тебя запугать, — сказал он, не поднимая головы.

— А я уже собиралась обвинить собственный неудачный выбор обуви.

Он поднялся, придержал меня за локоть и проводил до архива. По дороге мы почти не говорили. Но там, где его рука касалась моей, мне впервые за много недель было спокойно.

Подготовка к балу началась за шесть дней, и всё это время дворец походил на муравейник, который кто-то осыпал драгоценными камнями. Слуги таскали тяжёлые ковры; маги ре-

петировали сияние потолка; придворные обсуждали, на чью сторону улыбнётся принц. Мара рассказывала мне об обычаях так подробно, словно готовила к битве.

— Не смотри на графа Ниселя слишком долго. Он решит, что ты хочешь украсть его сердце или кошелёк.

— Оба предположения чрезвычайно смелые.

— Леди Селин не перечь. Она добрая, но её отец не добрый. А Северину Вальду вообще лучше не попадаться на глаза.

— Поздно. Мы с ним уже знакомы.

— Вот ведь несчастье, — искренне сказала Мара.

Ещё в начале приготовлений к осеннему балу госпожа Бренн немедленно велела мне держаться от гостей подальше.

— Даже если начнётся пожар? — уточнила я.

— Особенно если начнётся пожар.

В день бала одна из служанок заболела, и мне выдали поднос, двадцать четыре бокала и наставление «не создавать происшествий». Я решила, что две последние вещи невозможно совместить, но благоразумно промолчала.

Так вместо безопасной пыли архива мне досталось место в малой галерее, среди нарядных гостей и хрупких бокалов.

Я никогда прежде не видела столько драгоценностей на живых людях. Они сверкали в волосах, на шеях, на пальцах, даже на пряжках туфель. Магические огни плавали под расписным потолком, а огромные зеркала делали зал бесконечным.

Среди этого великолепия я чувствовала себя старой пуговицей, случайно закатившейся в шкатулку с алмазами.

У блестящих гостей было удивительное свойство: чем громче они рассказывали о чести своего рода, тем чаще норовили наступить кому-нибудь на ногу. За первый час я потеряла одну туфлю под юбкой герцогини и нашла её благодаря лакею, который пообещал молчать в обмен на лишнюю булочку. Я чувствовала себя участницей сложного тайного заговора, цель которого состояла в сохранении обуви.

На другом конце зала леди Селин стояла рядом с графом Ниселем. Он держал её за запястье без видимого усилия, но так крепко, что на белой коже выступали красные полосы. Я видела это, потому что несла мимо вино и имела редкое преимущество: меня можно было не замечать, даже когда я почти стояла на чьём-то подоле.

— Улыбнитесь, дорогая, — сказал граф. — Посол смотрит.

Она улыбнулась. Получилось красиво и совершенно безжизненно.

Позднее я нашла её у узкого окна за музыкальной галереей. На подоконнике стоял бокал, к которому она не притронулась.

— Вы замёрзнете, — заметила я.

— Что ж, это было бы убедительным поводом уйти домой.

— Боюсь, во дворце и мёртвому человеку сначала придётся получить разрешение у госпожи Бренн.

Селин неожиданно рассмеялась. Смех оборвался так быстро, будто она сама испугалась собственного голоса. Лента на её запястье съехала; я увидела синяк и поспешно перевела взгляд на стекло.

— Простите, — сказала она. — Вы всегда шутите, когда вам неловко?

— Нет. Иногда я падаю. Шутить дешевле.

За окном фонтаны выбрасывали светящиеся струи. Среди промозгой позднеосенней сырости розы на клумбах раскрывались так пышно, словно садовники заключили отдельное соглашение с летом. Я вспомнила детей из города, которые жаловались на холод в спальнях, и невольно нахмурилась.

— Вам не нравятся чудеса? — спросила Селин.

— Нравятся. Просто я не привыкла, что для одних людей они цветут, а для других их не хватает даже на кружку тёплой воды.

Она посмотрела на меня внимательно, без прежней придворной снисходительности. Возможно, ей впервые за долгое время позволили говорить о чём-то, кроме нарядов и будущего брака. Но признаться в этом она не успела: в коридоре послышались шаги Ниселя. Леди вздрогнула раньше, чем показался сам граф.

Я схватила стоявший у стены пустой поднос и громко произнесла:

— Госпожа, вам велено выбрать украшение для следую-

щей перемены блюд. Изволите предпочесть серебряное или серебряное?

Селин растерянно моргнула.

— Полагаю, серебряное, — ответила она, с трудом удерживая улыбку.

Нисель остановился, окинул меня презрительным взглядом и предложил не задерживать даму разговорами. Я присела в том, что надеялась выдать за реверанс, и случайно стукнула подносом о дверь.

— Удивительное мастерство, — холодно произнёс граф.

— Практикуюсь ежедневно, ваша милость. Пока больше успехов в ударных инструментах.

Когда он увёл Селин, я осталась у окна, ощущая нелепую смесь стыда и ярости. Богатые люди часто позволяли себе вещи, за которые бедного выталкивали бы с улицы. Но если человек распоряжался чужим страхом так же легко, как музыкой на балу, его почему-то называли хорошей партией.

Мара нашла меня за занавеской.

— Ты снова говорила с графом? — спросила она почти шёпотом.

— У нас короткая и содержательная беседа. Он меня ненавидит, я отвечаю взаимностью.

— Он опасен, Ива.

— Мне уже начали выдавать это предупреждение вместе с завтраком. Удобно, что разнообразия не требуется.

Мара не улыбнулась. Она рассказала, что перед праздни-

ком камеристку леди Селин наказали за потерянную серьгу, хотя украшение позже обнаружилось в покоях самого графа. Девушка просидела ночь под замком и едва не потеряла место. На следующее утро Селин выпросила для неё прощение — и получила от жениха дорогой браслет, который почти не снимала.

— Видишь? — сказала Мара. — Иногда подарки означают совсем не то, что кажется.

Я опустила глаза на свою заштопанную манжету. До этой минуты я искренне считала, что самым неприятным подарком в жизни был плед, от которого у меня постоянно чесалась шея. Оказалось, я недооценивала человеческую изобретательность.

Вернувшись в зал, я заметила, что браслет Селин мерцал не в такт прочим украшениям. В маленьком камне то и дело возникала тёмная точка, словно кто-то заглядывал через него из другого помещения. Шмыг зашевелился у меня под воротником, недовольно засопел. Я прижала к груди поднос, пытаюсь скрыть его движение.

— Что-то не так? — раздался знакомый голос.

Северин возник рядом совершенно бесшумно. Существовали люди, которым хватило бы этого таланта для карьеры привидения, но он, к моему глубокому сожалению, решил служить государству.

— Скажите, — спросила я, — бывают украшения, которые слушают чужие разговоры?

Его лицо изменилось совсем немного — исчезла усталость, появилось сосредоточенное спокойствие, от которого мне обычно хотелось немедленно проверить, где ближайший выход.

— Откуда у вас такой вопрос?

— Из наблюдений. И ещё из того, что мне крайне не нравится жених леди Селин.

— Второе — недостаточное основание для обыска.

— Но веское основание для неприятного знакомства.

Он взял с моего подноса нетронутый бокал и поставил обратно ровно на то место, где тот стоял прежде.

— Не приближайтесь к этому украшению. Если понадобится поговорить с леди Селин, выберите место без свидетелей и без зеркал.

— А вы, стало быть, будете наблюдать за нами из-за потолка?

— Не подавайте мне идей, Ива.

Когда он отошёл, я почувствовала не только облегчение, но и странное, почти досадное удовольствие от того, что он впервые воспринял мой вопрос всерьёз. Впрочем, в этот же миг я наступила на собственную юбку, и вся торжественность исчезла. Дворец настойчиво требовал, чтобы я оставалась собой.

Северин стоял у колонны. На нём был парадный чёрный камзол, совершенно неподходящий человеку, который, по моему убеждению, предпочёл бы собственным похоронам

любой светский вечер. Тёмные волосы были аккуратно зачёсаны, но на лице осталось всё то же выражение плохой новости.

Он заметил меня и нахмурился.

— Вас сюда допустили?

— С трудом. Пришлось притвориться полезной.

— Опасный обман.

— Господин Вальд, мне кажется, ваши комплименты становятся всё тоньше.

Уголок его рта едва заметно дрогнул.

Потом я споткнулась о подол чужого платья. Поднос опасно накренился, бокалы зазвенели, а моя жизнь на миг пронеслась перед глазами. Северин успел схватить край подноса одной рукой, а меня — другой.

Мы оказались неприлично близко. От него пахло холодным воздухом, кожей и чем-то горьковатым, вроде полыни. Я увидела крошечную серебристую нить в его радужке.

— Вы это нарочно? — спросил он почти шёпотом.

— Да. Всю жизнь тренирую падения с подносом ради встречи с вами.

Он коротко усмехнулся. Это было настолько неожиданно, что я едва не уронила поднос повторно.

— Отойдите от центра зала, Ива. Здесь слишком много людей, которые никогда не прощают неловкости.

— А вы прощаете?

Он не сразу ответил.

— Вам — чаще, чем следовало бы.

После этих слов он ушёл, оставив меня краснеть, как последняя дурочка. Я сердито переставила бокалы и решила, что ненавижу людей, умеющих произносить двусмысленные фразы таким невозмутимым тоном.

В середине вечера в зал явились купцы из южных городов. Их провели не к королевскому столу, а к отдельной галерее за колоннами, где принимали людей, имеющих много денег и недостаточно старинных предков. Один из них — круглолицый господин с алмазной булавкой — громко жаловался, что цена очищенного кристалла выросла вдвое.

— Северные партии задерживаются, — оправдывался се-довласый казначей. — Зато столичные изделия получают новый уровень насыщения.

— Покупателя не интересует, откуда берётся свет. Покупателя интересует, чтобы он горел.

Мне велели подать им горячее вино. Я не удержалась:

— А если бы покупателю рассказали, что ради его люстры не горит свет в детской комнате где-нибудь на севере?

Беседа оборвалась. Купец уставился на меня. Казначей сделал лицо человека, который распорядится испортить мне остаток существования.

— Девушка, — произнёс он, — кто позволил вам рассуждать о государственных поставках?

— Никто. Но вы говорили довольно громко, и у меня, к несчастью, имеются уши.

Купец расхохотался. Седовласый не улыбнулся. Мне приказали сменить поднос, а затем — никогда больше не приближаться к гостям этого рода. Я ушла, ощущая, что старая жизнь нищенки была гораздо безопаснее: там хотя бы не изображали убийство словами «нарушение регламента».

В тени колонны меня перехватила леди Селин. Она поправила ленту на моей шее, прикрыв несколько засохших пятен чернил.

— Вы ничего не знаете об искусстве придворного разговора, — тихо сказала она.

— Это правда. Мне почему-то кажется, что в нём неприличные вещи произносят шёпотом, а приличные — никогда.

— Сегодня вы приобрели врага. Казначей ведёт счета для советника Варрана. Он запомнит ваше лицо.

— А я запомню его. Надеюсь, на память у него нет королевской монополии.

Селин не улыбнулась. Она вложила мне в ладонь маленькую серебряную иглу для подола и прошептала:

— Если вас позовут в южную галерею, не ходите. Там любят беседы без свидетелей.

Я спрятала иглу и через некоторое время заметила графа Ниселя, который наблюдал за нами из-за высокого зеркала. Он не глядел на меня. Он смотрел на Селин с той собственнической внимательностью, какой богатые люди смотрят на шкатулки, когда подозревают, что кто-то успел открыть их без разрешения.

Позднее, убирая пустые подносы, я услышала из соседнего кабинета голос королевского советника Варрана:

— К зимнему ритуалу накопители будут полны. Последние деревни на севере ещё способны отдать необходимое.

— Они погибнут, — сказал кто-то.

— Им следует гордиться своим вкладом в процветание столицы.

Я замерла за дверью. Половица под моей ногой громко хрустнула.

— Кто там?

Ничего умнее бегства мне в голову не пришло.

Глава восьмая. Серебряная булавка и чужие счета

После осеннего бала я проспала ровно два часа. Не из-за происшествия с подносом — к собственному позору я была привычна. Меня не отпускали слова о последних деревнях на севере.

Утром меня отправили собирать салфетки в малой галерее. Зал после праздника напоминал поле битвы, на котором победили вино и тщеславие. На полу валялись цветы, блёстки и чья-то искусственная ресница такого размера, что ею можно было подметать лестницу.

Под креслом я обнаружила серебряную булавку в форме ласточки. На крыле были выгравированы инициалы «С. Д.».

— Отдайте мне, — немедленно прозвучало за спиной.

Женщина в светлом дорожном плаще стояла у порога. Я видела её на балу: леди Селин Дорр, любимица королевы,

знаменитая безупречными манерами и тем, что ни разу не повысила голоса на прислугу. Судя по выражению её лица, сейчас она собиралась нарушить традицию.

— Я собиралась сдать находку экономке.

— Этого делать не стоит.

— Булавка ваша?

— В определённом смысле.

Я посмотрела на инициалы. Леди Селин выглядела так, словно вот-вот попросит спрятать труп, и я бы ещё поразмыслила.

— В другом смысле, — подсказала я, — её может искать кто-то, кому совсем не следует о ней знать?

Она прикрыла глаза.

— Вы слышали о моём женихе, графе Ниселе?

— Да. Соболезную.

Леди Селин неожиданно рассмеялась. Очень тихо, будто смех был редкой дорогой вещью, которую нельзя доставать при посторонних.

Она призналась, что булавку подарил ей дворцовый часовщик Том. Он был сыном переплётчика, умел чинить магические механизмы и совершенно не подходил будущей супруге графа. Помолвку навязал её отец; отказ грозил семье разорением.

— Мне нужен один день, — сказала она. — Если булавка попадёт к Ниселю, Том потеряет место. Возможно, и свободу.

Я вернула украшение.

— Всего один? Тогда вам лучше поторопиться. В моей практике важные беды редко ограничиваются назначенным сроком.

К вечеру леди Селин принесла мне маленький пакет с тёплыми перчатками. Я сначала решила, что это плата за молчание, и обиделась. Потом она сказала:

— У вас вчера на балу руки были синими от холода. Я заметила.

Никто при дворе не замечал, что я мёрзну. Я не нашлась с ответом и, что гораздо хуже, обняла её, испачкав край дорогого плаща чернилами.

— Простите!

— Госпожа Лирен, — пробормотала она, оглядев пятно, — я начинаю понимать слухи о вас.

Селин пришлось увидеть ещё раз вечером. Она стояла у открытого окна своей маленькой гостиной и держала в руке ту самую булавку. Внизу фонари отражались в мокрых плитах двора; у ворот ждали две кареты с чужими гербами.

— Если вы считаете, что я пришла просить денег за молчание, — сказала я, — то заранее сообщаю: я дорого обхожусь, но совершенно не умею составлять счета.

Она протянула мне лист. Это был брачный договор. Возле её имени стояло число, на которое можно было бы построить в Рябиновке новую мельницу, колодец и, вероятно, маленький памятник всем дуракам, считавшим любовь предметом

торговли.

— Отец отдал Ниселю не только моё приданое, — произнесла она. — Он передал ему управление нашими северными землями. Там три деревни. Раньше они кормили друг друга. Теперь жители уезжают, а управляющий требует прежнюю подать.

Я посмотрела на карту приложенных владений. По одному полю была проведена толстая красная линия.

— Это канал?

— Так называют. Земля вдоль него вымерла. Нисель утверждает, что её можно продать под новые склады.

Я не знала, что сказать. Селин показалась мне не избалованной пленницей собственной красоты, а женщиной, перед которой разложили аккуратную таблицу и попросили добровольно согласиться с тем, что её жизнь менее важна, чем чужие долги.

— А часовщик? — спросила я наконец.

— Том за три года научил меня чинить вещи. Не спрашивал, кто я, когда у меня ломался механизм. Просто давал ключ и говорил: «Попробуйте сами».

— Неприличный человек. Где же уважение к аристократии?

Она улыбнулась сквозь слёзы.

Я не обещала решить её беду. Одного необдуманного обещания женщинам с северных дорог мне пока хватало. Но, выходя, заметила на каминной полке книгу учёта поместий.

Между страниц лежала копия накладной на «очистку северных кристаллов» с подписью графа Ниселя. Я запомнила число поставки. Иногда лучшая помощь заключается в том, чтобы сохранить сведения, которые кому-то очень хочется стереть.

На обратном пути я вновь встретила Северина. Он стоял возле окна, откуда было видно конюшни, и читал донесение.

— Новые перчатки, — заметил он.

— Вас тоже интересуют модные журналы?

— Меня интересует, с кем общается человек, который постоянно появляется возле секретных дверей.

— Какая прелесть. Значит, вы ревнуете меня к дверям.

Его взгляд опустился на мои ладони.

— Вам должно быть теплее теперь.

— Да. А ещё вы, похоже, заметили, что раньше было холодно.

Он отвёл глаза. И я вдруг поняла: человек, который умеет читать следы убийц по влажному камню, может совершенно не знать, что делать с парой тёплых перчаток и девушкой, которой хочет помочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.